

И.В. Грачёва

**«БЫЛ ГОСПОДИН НЕВЫСОКОГО РОДА...»
(РЯЗАНСКИЙ ПРОТОТИП ГЕРОЯ
ПОЭМЫ Н.А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»)**

Особенность поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» заключается в том, что ее художественный мир строится на множестве реальных фактов. Одни были взяты из периодической печати, другие – из личных наблюдений поэта, третьи – из рассказов его знакомых. Есть в поэме и рязанский материал. А.Ф. Кони в своих мемуарах сообщал, что, проживая в Рязанской губернии, услышал рассказ о «Якове верном» и его жестоком хозяине. Автор поведал эту историю Н.А. Некрасову, и тот включил ее в свою поэму с некоторыми изменениями. А.Ф. Кони не указал реального имени помещика, который в поэме назван «господином Поливановым». Но рязанские читатели сразу узнали его. Прототипом Поливанова послужил местный землевладелец, майор в отставке В.И. Чулков. До сих пор эта личность не привлекала внимания ни историков, ни литературоведов. Цель работы – на основе архивных данных познакомить читателей с реальным обликом этого человека и проследить путь от факта к художественному образу, нарисованному в некрасовской поэме.

*Н.А. Некрасов, поэма «Кому на Руси жить хорошо», проблема прототипов, Рязанская губерния,
В.И. Чулков, реальность и художественный образ.*

А.Ф. Кони, известный судебный деятель XIX века, в своих мемуарах рассказывал, как в 1863 году, будучи студентом, он жил летом в имении Панкино Пронского уезда Рязанской губернии. Это поместье принадлежало ранее поручику Е.Е. Чеботаеву и его супруге и после их кончины было приобретено А.Н. Драшусовым, астрономом и физиком, профессором Московского университета. В 1861 году Драшусов, вышедший в отставку, был назначен представителем от правительства в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие. Он пригласил А.Ф. Кони к себе в усадьбу в качестве учителя младшего сына Евгения. Впоследствии Евгений Драшусов станет почетным мировым судьей, а с 1890 года – земским начальником Пронского округа.

А.Ф. Кони писал: «Почти все время, свободное от уроков и от беседы с хозяйкой дома – умной и очень образованной женщиной... я проводил на селе <...> Я бывал в заседаниях волостного суда и на сельских сходах, бродил подолгу с крестьянином-охотником Данилой... и вел долгие беседы со сторожем волостного правления». Сторож Николай Васильевич рассказал ему историю о местном жестокосердном помещике и преданном ему кучере: «У помещика, ведшего весьма разгульную жизнь, отнялись ноги, и силач-кучер на руках вносил его в коляску и вынимал из нее». Но когда единственный сын кучера попросил у барина разрешения жениться, тот, сам положивший глаз на пригожую невесту, сдал парня в солдаты – «и никакие просьбы отца о помощи не помогли»¹. Однажды кучер повез барина в гости, но неожиданно свернул в глухой лесной овраг и повесился на его глазах. А.Ф. Кони поведал этот случай Некрасову, и тот включил его в свою поэму «Кому на Руси жить хорошо», изменив некоторые детали. В поэме речь идет не о сыне, а о племяннике верного слуги. Фамилию помещика судебный деятель не указал, у Некрасова он назван Поливановым. Следует учитывать и то, что сторож передавал А.Ф. Кони рассказы о прошлых временах, ходившие по губернии и, как это всегда бывает, обраставшие выдуманными подробностями. Видимо, прежде всего, это касалось характеристики кучера, «сельского Малюты Скуратова», усердно исполнявшего повеления своего самодурного и немилосердного господина. Да и сам образ помещика в реальности оказался не таким однозначным, каким рисовал его сторож и каким он предстает в некрасовской поэме.

Более точные сведения об этом происшествии, случившемся не в Пронском, а в Сапожковском уезде, дают «Записки» А.И. Кошелева, владельца сапожковского села Песочня. В

¹ Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. М. : Правда, 1989. С. 199–201.

конце 1830-х годов Кошелев был уездным предводителем дворянства. Он вспоминал: «В соседстве моем жил помещик В.И.Ч., человек недурной, пользовавшийся общим уважением в дворянстве, но жестокий в обращении с крестьянами и крепостными людьми»². Речь идет о Василии Ильиче Чулкове, владельце сапожковского сельца Островая Поляна. Он был сыном прапорщика Ильи Петровича Чулкова, в 1803 году в возрасте 15 лет вступил юнкером в Екатеринославский кирасирский полк и сразу же оказался в гуще военных событий. Чулков участвовал в ожесточенных боях двух войн с Наполеоном, отличился при Бородине, за что получил орден св. Владимира 4 степени, был в заграничном походе русской армии в 1813–1815 годах и в 1819 году вышел в отставку в чине майора.

Василий Ильич состоял в дальнем родстве с Кошелевыми: его прадед Алексей Яковлевич Чулков женился на вдове Андрея Григорьевича Кошелева Авдотье Тимофеевне.

Василий Чулков не был жесток по натуре, но, с юности привыкнув в военной среде к безукоризненному порядку и строгой дисциплине, требовал того же от крепостных. А.И. Кошелев писал, что его крестьян сразу можно было отличить по военной выправке. Помещик регулярно обходил деревенские избы, наблюдая, «чтобы там было все в порядке, чисто и опрятно». Он «считал своим священным долгом учить своих людей порядочному житию, наказывать лентяев и воров и строго взыскивать за всякие проступки». А потому «брань, ругательства и сечение крестьян производились ежедневно» и «житье людям было ужасное». За малейшие провинности он «сажал людей в башню и кормил их селедками, не давая им при этом пить»³. Если крестьяне были заняты на земляных работах, на них надевались специальные рогатки, не позволявшие прилечь для отдыха на землю. Особенно же доставалось кучерам. Барин, заядлый охотник, любитель собак и лошадей, с неустанной заботой следил за их содержанием. Он постоянно находил какие-то неисправности в конюшне, придирчиво осматривал сбрую, поучал, как нужно ухаживать за лошадьми, запрягать и ездить, в дороге непрестанно допекал кучеров сердитыми окриками и строгими внушениями. И однажды зимой кучер завез его в глухой лес, сказал: «Нет, ваше высокоблагородие, жить у вас больше мне нелегко», – и повесился на вожжах⁴. У помещика к этому времени отказывали ноги, и он обречен был замерзнуть в лесной чаще. Но умная лошадь, повинувшись словесным командам, вывезла его к дому. У Некрасова дело происходит летом и спасает Поливанова случайный охотник. В отличие от некрасовского героя, Чулков даже после пережитого потрясения нисколько не раскаялся и с негодованием рассказывал знакомым о поступке кучера в доказательство «глупости и грубости простого народа»⁵.

Многие из окружающих помещиков не видели в действиях Чулкова ничего предосудительного, так как и сами не лучше обращались с крепостными. Лишь отличавшийся либерализмом Кошелев на правах уездного предводителя однажды пригрозил ему опекой. Чулков разгневался, заявив, что «давно живет в уезде, что никогда ни один предводитель не позволял себе подобных внушений». И пожаловался губернскому предводителю Н.Н. Реткину, уверяя, что «гуманность» Кошелева дает дурной пример и может привести «к возмущению крепостных людей». Реткин поддержал Чулкова, счел поведение Кошелева «несогласным с настоящими дворянскими чувствами и понятиями» и сделал ему строгий выговор⁶. На следующих выборах Н.Н. Реткин добился, чтобы место Кошелева занял другой. Перед Кошелевым четыре срока подряд уездным предводителем был В.И. Колюбакин, близкий приятель Чулкова. После кончины Колюбакина окрестные дворяне именно Чулкова считали «первым кандидатом в предводители»⁷. Но вышедший в отставку и поселившийся в уезде Кошелев, к тому времени уже известный общественный деятель, оттеснил его. А потом развивающаяся болезнь не дала Чулкову возможности бороться за почетный предводительский пост.

Василий Ильич слыл умелым хозяином, разбиравшимся в земледелии и огородничестве и внедрявшим новые сельскохозяйственные технологии. Узнав, что в соседнем имении появились новые молотильные машины, на которых работал мастер-иностранец, В.И. Чулков тут же послал к нему в обучение мальчика Гришку. Д.П. Барышников, помещик сапожковского села Мордово, тоже отдавший учиться своего крепостного, сообщал Чулкову, что Гришка, хоть и «прилежен к делу», но, по словам мастера, не имеет «никакой способности к механическому искусству, к тому

² Записки А.И. Кошелева / подгот. Т.Ф. Пирожкова. М. : Наука, 2002. С. 44.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Записки А.И. Кошелева. С. 45–46.

⁷ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 1375. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

же очень слабого здоровья»⁸. Мальчика вернули хозяину. Василий Ильич заботился об усовершенствовании пахотных орудий, выписывал элитные семена крупного английского овса, имел племенных тирольских быков, «индейских петухов», намеревался купить породистого жеребца и устроить у себя конный завод. Соседи присылали к нему за семенами зерновых, картофеля, редиски, петрушки, салата и т.д. Для тяжелых работ и перевозок он использовал южнорусских волов, что было новшеством для рязанских землевладельцев. Один из них просил у Чулкова образец ярма и спрашивал, нельзя ли на волах пахать⁹. Любопытно, что, когда кому-то из окрестных жителей доктора прописывали пиявки, то посылали за ними не в аптеку, а опять-таки к Чулкову¹⁰. Он имел парники и теплицы, выращивал редкостную для рязанской глубинки спаржу, арбузы, барбарис, разводил цветы. В Рязань он отправил двух мальчиков в науку к опытному садовнику богачей Рюминых. Побывавший в городе сельский староста докладывал барину: «Фомка занимается своим делом хорошо, по сказам хозяина, а на Мишку он жалуется, что он худо занимается и много балуется»¹¹. В городе учился на портного еще один мальчик Акимка. У В.И. Чулкова был даже собственный крепостной землемер. Для домашнего обихода помещик культивировал на огороде лекарственные растения, интересовался свойствами лесных и луговых трав, искал знахарей, которые могли бы обучить траволечению его крепостных.

Он был расчетлив, экономен и из всего стремился извлечь хозяйственную выгоду. В Рязань отправлял на продажу коровье масло и другие усадебные припасы, пытался даже поставлять торговцам меховых рядов свои охотничьи трофеи – волчьи и лисьи шкуры, но их не приняли из-за плохой выделки. Его крестьяне обложены были повинностью заготавливать лесные ягоды, орехи и сосновые шишки для копчения окороков и ветчины. Чулков не позволял мужикам рубить лес для отопления своих изб и требовал, чтобы они для этого корчевали старые пни. Поэтому его леса, расчищенные и ухоженные, отличались образцовым состоянием. Зато крестьянские дворы, заваленные горами огромных, с ветвистыми корнями пней, из-за которых не видно было изб, имели уродливо-фантастический вид. Недаром к простонародному прозванию имени Чулкова – Чудилище – прибавилось еще одно – Самодуровка.

Однако эта хозяйственная прижимистость иной раз приносила и пользу. Засушливый и неурожайный 1840 год обрек крестьян на мучительное голодное вымирание. Многие помещики растерялись, не зная, что предпринять. Владелец села Сасыкина Спасского уезда Н.И. Шредер (в 1824–1828 годах побывавший рязанским губернатором) жаловался В.И. Чулкову, что не в состоянии прокормить своих крепостных, тем более, что «на новый урожай нечего надеяться»¹². Он просил совета и помощи. Родственница Чулкова В.Н. Пущина сообщала, что весенний посев в сухой земле не взойдет, «и на семена не будет – истинная казнь Божия на нас грешных»¹³. Но у Чулкова были запасы, и он нередко выручал знакомых, продавая им или давая в долг рожь, ячмень, горох, картофель, льняное семя и т.д. Помещик имел усадебную библиотеку, которую пополнял, выписывая книги через сапожковскую почтовую контору. Среди них, например, «четыре книги биографий разных фельдмаршалов»¹⁴. Речь шла о четырехтомном издании Д.Н. Бантыш-Каменского «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» (СПб., 1840).

Родственники и близкие знакомые Чулкова, не умея добиться хороших доходов со своих имений, порой просили помощи у Василия Ильича, выдавая ему доверенности на управление. В.Н. Пущина с радостью сообщала, что как только Чулков занялся ее мужиками, она сразу стала получать больше прибыли: «Они знают, что вы шутить не любите»¹⁵. Но по-своему В.И. Чулков заботился и о крестьянских интересах. В голодный год рязанские землевладельцы нередко продавали часть своих угодий, чтобы на вырученные деньги содержать себя и своих крепостных. Чулков тоже расстался с одним из лесных участков, но наотрез отказал покупщику, выгодно торговавшему ржаное поле, кормившее крестьян. Хороших, исполнительных работников Василий Ильич ценил, вникая даже в их семейные нужды. Староста сельца Глубокого Рязанского уезда (принадлежавшего Пущиной) Никифор Данилов умел угождать строгому барину. Когда дочь старосты подросла, В.И. Чулков прислал ему в работники хорошего, старательного парня Фёдора, учившегося

⁸ Там же. Д. 4. Л. 14.

⁹ Там же. Д. 6. Л. 32.

¹⁰ Там же. Л. 33.

¹¹ Там же. Д. 10. Л. 6 об.

¹² ГАРО. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 7. Л. 3 об.

¹⁴ Там же. Д. 6. Л. 15.

¹⁵ Там же. Д. 7. Л. 1 об.

ремеслу овчинника, и велел тому «быть пока нареченным зятем» у Никифора. Но окончательное решение господин великодушно предоставил отцу невесты. Даниловым Фёдор пришёлся по душе, и довольный Никифор вскоре писал: «Благословите меня вместо моих родителей, дозвоьте мне их, Фёдора и дочь мою Агафью, нынешнюю осень сочетать браком»¹⁶.

Но отступлений от заведенных порядков Чулков не терпел и поблажек мужикам не давал. По завещанию овдовевшей сестры Анны Ильиничны, в замужестве Исаковой, он до совершеннолетия ее детей распорядился ее имениями. Когда община села Захарова Коломенского уезда, жалуясь на трудности, просила подождать с уплатой оброка («будьте вы наши отцы и покровители»), барин отправил старосте гневное послание: «Павел Кирсанов, ты и все захаровские мужики, вместо того, как прежде считал я вас хорошими и исправными, стали делаться совершенными негодьями. <...> Не буду уже поступать с вами так снисходительно, как поступал, вы этого не стоите, и ежели вы не умеете ценить моего хорошего, то доведется до того, что узнаете мое и дурное для вас, вы меня к тому своей неисправностью вынуждаете». В.И. Чулков требовал представить оброк «весь сполна в непродолжительном времени» и пригрозил, что в противном случае многие отправятся в рекруты: «Я лучше поберегу исправных и тех, с которых получаю доход»¹⁷. Жить под властью сурового и чересчур придирчивого помещика было так тяжело, что побегов его крестьян и дворовых были частыми. Бежали даже те, кто находился в привилегированном положении. Тимофея Егорова, оказавшегося весьма способным к садоводству и огородничеству, Чулков обучил грамоте, освободил от многих повинностей, даже дал его семье работников (двух мужчин и женщину), чтобы те обслуживали хозяйство Тимофея и выполняли за него сельские работы. Тимофей имел хороший достаток, но и то ударился в бега. Бежал и Александр Прокофьев, выученный на землемера, за что В.И. Чулков заплатил более тысячи рублей. Как правило, беглецов ловили, исправник с помощью розог внушал, что «велено быть им в полном повиновении у владельца», а хозяин либо сдавал их в рекруты, либо отправлял на поселение в Сибирь¹⁸. Перед этим нередко, в назидание остальным, держал «бунтовщиков» прикованными цепью к позорному столбу. Даже если по возрасту или состоянию здоровья мужики не годились в рекруты, Чулков беззастенчиво совал чиновникам рекрутского присутствия и лекарю взятки – и дело улаживалось. Характерен доклад одного из старост, что рекрутов он в городе сдал и возвращает барину в сохранности «две цепи, которыми были скованы ребята»¹⁹.

Н.А. Некрасов писал о Поливанове, что тот в своей деревне жил «безвыездно тридцать три года, / Вольничал, бражничал, горькую пил». Чулков 35 лет вел холостую, разгульную жизнь в своем имении. Любимой забавой его была охота, на которую он приглашал соседей, устраивая для них щедрые застолья. Родственник Чулкова И.И. Левашов, побывав у него в гостях, долго вспоминал, что «время проводил очень весело»²⁰. Как они «веселились», можно только догадываться. Впоследствии Левашов, отличившийся неумеренно разгульной жизнью, пьянством и жестоким обращением с крестьянами, попадет под суд за насилие над крепостными женщинами и девушками. Чулков не отказывал себе в обилии разнообразных хмельных напитков даже тогда, когда его начали одолевать болезни. Старосты ездили в Рязань и, посылая ему лекарства из городских аптек (иногда – целыми ящиками), одновременно отправляли ведрами пиво с заводов братьев Курганских, бутылки рому, сантуринского и сотерна. Как и Поливанов, Чулков был весьма охоч до пригожих крепостных девок. Это знали все. В.Н. Пущина, имевшая ковроткацкое заведение в селе Сапчаково Сапожковского уезда, предлагала Чулкову прислать для обучения к ней способных крепостных девиц: «...А через три года у вас и своя фабрика, только прошу не заглядываться так на них. – Слышите? – Я вижу, как вы улыбаетесь лукаво»²¹. М.П. Барышников, владелец сапожковского села Воршево, отправив своего крестьянина, знатока целебных трав, в имение Чулкова, чтобы научить его людей собирать и использовать лекарственные растения, счел нужным предупредить, что их таинственная магия требует особого отношения. И если этому будут учиться девушки, «то чтобы они были совершенно чисты»²².

Н.А. Некрасов писал:

Даже с родными, не только с крестьянами,

¹⁶ Там же. Д. 10. Л. 19.

¹⁷ Там же. Д. 12. Л. 4–5 об.

¹⁸ ГАРО. Ф. 733. Оп. 1. Д. 1540. Л. 86.

¹⁹ Там же. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

²⁰ Там же. Д. 3. Л. 2.

²¹ Там же. Д. 7. Л. 6.

²² Там же. Д. 4. Л. 2 об.

Был господин Поливанов жесток.

На первый взгляд, в этом рязанский прототип отличался от некрасовского героя. В дворянском кругу он слыл человеком отзывчивым и обязательным. Овдовевшая В.Н. Пушина благодарила его за поддержку: «Я с усердием молила Творца продлить дни ваши и наградить вас за участие в моем одиночестве. <...> Родной брат не мог бы участвовать более, как вы, милый братец. Я со слезами благодарности пишу вам эти строки»²³. Не оставлял В.И. Чулков в трудные минуты и С.Г. Овсянникова, скромного чиновника, который был ходатаем по делам Василия Ильича, пока тот находился на военной службе. В 1812 году Овсянников сам вступил в рязанское ополчение и лишь в 1815 году вернулся в статскую службу, получив дворянство и став владельцем 16 крепостных душ в Касимовском уезде. Он женился на своей вольноотпущенной Ксении Михайловой, имел от нее восемь детей. Жалованья титулярного советника не хватало. Дом Овсянникова в Рязани был продан за долги. Тяжелый 1840 год вконец разорил его. Он жаловался Чулкову, что заложил последнюю ценность – серебряные ложки и не может даже купить взамен их деревянные, так как остался «с одним гривенником». Хозяин наемной квартиры гонит его с семьей за неуплату²⁴. В.И. Чулков помог Овсянникову деньгами, постоянно посылал ему домашние гостинцы: масло, ветчину, холсты, овечьи шкуры и т.д. Овсянников же советовал, кому из купцов выгодней отдать на продажу продукцию усадебного хозяйства, помогал ориентироваться в чиновничьих сферах.

Но когда дело касалось личной выгоды, Чулков не имел жалости даже к родственникам. После кончины отца Василий Ильич по семейному разделу получил имения в Коломенском уезде Московской губернии и Зарайском Рязанской губернии. Владения же в Островой Поляне, селе Летниках и деревне Амушево принадлежали брату его отца, отставному капитану Григорию Петровичу Чулкову. Роль хозяйки в доме Григория выполняла дворовая Прасковья Емельянова, которой он дал вольную и от которой имел сына Михаила. Хотя брак их не был узаконен, Григорий сумел внести сына в дворянские родословные книги Рязанской губернии. Когда в 1809 году Г.П. Чулков скончался, все считали Михаила законным наследником. Лишь сама Прасковья, чувствуя непрочность своего положения в качестве «госпожи», пыталась поскорей продать свою долю владений богатому помещику, генерал-лейтенанту П.М. Лунину. Для оформления сделки потребовалось свидетельство о браке, но бойкие генеральские поверенные сумели задним числом фальсифицировать необходимые документы так, что это ни у кого не вызвало сомнений. Однако вмешался В.И. Чулков, знавший дядюшкину семейную тайну. Началось расследование. Духовенство приходской церкви села Летники заявило, что Г.П. Чулков «никогда не венчан». То же подтвердил и уездный предводитель С.И. Шиловский. В результате решением Синода «брак девки Емельяновой с капитаном Чулковым признан никогда не бывшим», Михаила и вовсе объявили «подкидышем»²⁵. Его исключили из дворянских родословных книг и подпиской обязали не именоваться более Чулковым, а носить фамилию Петров. Василий Ильич потребовал немедленно изгнать нежеланного двоюродного братца с его матерью из имения и поселился в Островой Поляне как единственный наследник. Дело осложнилось тем, что Михаил сам женился на дворовой, дав ей предварительно вольную, на что, как теперь оказалось, не имел права. Конечно, венчанных супругов не разлучили, но пока шел судебный процесс, Михаил немало натерпелся страданий и позора. А в конце концов оказался бесприютным нищим. Характерно, что и у Овсянникова не было венчальной записи, и он узаконил своих детей, прибегнув к хитрым уловкам. В.И. Чулков наверняка это знал, но, так как это не касалось его материальных интересов, не выдавал своего приятеля и не порывал с ним дружбы.

У Некрасова о Поливанове рассказывается:

Дочь повенчав, муженька благоверного
Высек – обоих прогнал нагишом.

Возможно, основой этого рассказа послужили ходившие по губернии толки о другом семейном скандале, в котором действительно фигурировало имя дочери Чулкова. Некрасов упоминал, что Поливанов ездил в гости к сестре. Чулков часто навещался к сестре А.И. Исаковой, передававшей ему в управление свои зарайские имения. Когда она скончалась, старшие ее сыновья были уже в службе, младших же детей Василия и Алевтину Чулков взял в свой дом. В это

²³ Там же. Д. 7. Л. 1.

²⁴ ГАРО. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

²⁵ Там же. Ф. 98. Оп. 11. Д. 48. Л. 51, 76.

время в его усадьбе в качестве невенчанной жены жила сапожковская купчиха Агафья Родионова, от которой В.И. Чулков имел дочерей Марию и Анну. Они именовались «воспитанницами», но помещик сумел устроить так, что они носили отчество и фамилию фактического отца. Повзрослевшим девочкам Василий Ильич дал образование в одном из частных пансионатов Рязани вместе с Алевтиной Исаковой. Впоследствии последняя вышла замуж за финляндского дворянина, доктора Э.К. Берклунда. Анну Чулков выдал за И.Ф. Сухова, сапожковского уездного судью, помогавшего ему в делах. Мария жила с отцом. Василий Исаков, вслед за братьями Павлом, Иваном и Михаилом, поступил в полк.

В 1852 году в имение Чулкова приехал в отпуск племянник, 25-летний прапорщик Павел Исаков. Он служил на Кавказе, в одной из стычек с горцами был ранен, получил орден св. Георгия. У дядюшки он загостился на два с половиной года. Началась Крымская война, и Павлу не хотелось вновь рисковать жизнью. Напрасно В.И. Чулков убеждал Павла, что «служба его нужна Отечеству и призывает к ней долг и обязанность офицера быть достойным на поле чести носить имя русского». Тот подал в отставку и просил у дяди пять тысяч рублей, «говоря, что он с ними поедет в С.-Петербург и добудет городническое место». В.И. Чулков в деньгах отказал. И Павел стал делать ему «разные несносные беспокойства, наглости, дерзости и грубости»²⁶. Племянник настраивал против помещика и без того недовольных крестьян и наконец подал жалобу на высочайшее имя. Он заявил, будто Чулков, управляя родительскими имениями Исаковых, привел их в полное расстройство, и требовал компенсации ущерба в 65 тысяч рублей. После этого Павлу пришлось покинуть усадьбу и перебраться в Сапожок. Но он похитил из дома Машу, с которой повенчался. Возможно, племянник надеялся, что Чулков выделит им приданое. Поведение Павла было тем более предосудительным, что он знал о родстве с мнимой «воспитанницей» и соблазнил ее еще под отчим кровом, «осраив, обесславив и погубив ее навсегда тем во мнении всех людей»²⁷. Бежали они из усадьбы в апреле 1855 года, а в сентябре у них родился сын Николай. Разгневанный Чулков порвал с ними всякие отношения. О приданом не могло быть и речи. В денежном иске Павлу тоже было отказано. Сапожковский суд, где у дяди были свои люди, признал претензии Павла неправомерными. Через год Павел скончался. Видимо, и Мария прожила недолго, так как вскоре опекушкой малолетнего Николая стала ее сестра Анна Сухова.

Во второй половине 1850-х годов Чулков часто жил в Рязани, нанимая квартиру в доме купцов Коробовых в приходе церкви Симеона Столпника. На этом месте сейчас не раз перестроенное в XIX веке и недавно отреставрированное здание, известное краеведам под названием «дом Ананьиных – Коробовых» (ул. Скоморошинская, д. 11/56). Жизнь владельца Самодуровки кончилась вместе с началом крестьянской реформы. В.И. Чулков умер от водянки в 1861 году 75 лет от роду и был похоронен возле приходской церкви Введения в селе Летники.

Когда А.Ф. Кони жил в Панкино, развернулась борьба за наследство Чулкова. И пересуды об этом помещике, достоверные и выдуманные, распространились по всей губернии. Хотя в деталях Некрасовский рассказ о Поливанове отличался от реальной истории жизни его прототипа, психологический облик подобных людей был угадан писателем верно. Недаром рязанский историк А.Д. Повалишин, писавший в конце XIX века исследование о рязанских помещиках и их крепостных и не знавший о сообщении Кони, появившемся позднее, восхищался, «как поразительно верно действительности» были показаны в некрасовской поэме тип помещика и случай в его имении, сразу напомнившие Повалишину о В.И. Чулкове²⁸.

²⁶ ГАРО. Ф. 733. Оп. 1. Д. 1822. Л. 29.

²⁷ Там же. Л. 29 об.

²⁸ Повалишин А.Д. Рязанские помещики и их крепостные. Очерки из истории крепостного права в Рязанской губернии в XIX столетии. Репр. изд. Рязань : Изд-во РГПУ, 1995. С. 302.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). – Ф. 98. – Оп. 11. – Д. 48 ; Ф. 733. – Оп. 1. – Д. 1540, 1822 ; Ф. 1375. – Оп. 1. – Д. 1, 3, 4, 6, 7, 10, 12, 25.
2. Записки А.И. Кошелева [Текст] / подгот. Т.Ф. Пирожкова. – М. : Наука, 2002. – 475 с.
3. Кони, А.Ф. Воспоминания о писателях [Текст]. – М. : Правда, 1989. – 656 с.
4. Повалишин, А.Д. Рязанские помещики и их крепостные: Очерки из истории крепостного права в Рязанской губернии в XIX столетии [Текст]. – Репр. изд. – Рязань : Изд-во РГПУ, 1995. – 450 с.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arhiv Rjazanskoj oblasti (GARO). – F. 98. – Op. 11. – D. 48 ; F. 733. – Op. 1. – D. 1540, 1822 ; F. 1375. – Op. 1. – D. 1, 3, 4, 6, 7, 10, 12, 25.
2. Zapiski A.I. Kosheleva [Text] / podgot. T.F. Pirozhkova. – M. : Nauka, 2002. – 475 s.
3. Koni, A.F. Vospominaniya o pisateljah [Text]. – M. : Pravda, 1989. – 656 s.
4. Povalishin, A.D. Rjazanskie pomeschiki i ih krepostnye: Ocherki iz istorii krepostnogo prava v Rjazanskoj gubernii v XIX stoletii [Text]. – Repr. izd. – Rjazan' : Izd-vo RGPU, 1995. – 450 s.

I.V. Gracheva

“ONCE AN OFFICIAL, OF RATHER LOW FAMILY, ...” (NICOLAI NEKRASOV’S POEM “WHO IS HAPPY IN RUSSIA?” AND A PROTOTYPE FROM RYAZAN)

One of the distinguishing features of Nicolai Nekrasov’s epic poem “Who is Happy in Russia?” is its realistic character. Nikolay Nekrasov gathered eyewitness and hearsay accounts of his acquaintances and his own observations. An eminent Russian lawyer, public figure and writer Anatoly Koni in his memoirs recollects that living in the Ryazan Province he heard a story of a dutiful serf Jacob the Faithful and his tyrant master. Anatoly Koni communicated the story to Nicolai Nekrasov, but did not tell the poet the cruel master’s real name. In Nicolai Nekrasov’s poem the tyrant master goes under the name of Polivanov. However the readers in the Ryazan Province recognized the tyrant at once. The prototype of the tyrant was a local landowner (pomyeshchick) retired Major V.I. Chulkov. The article analyzes archival materials concerning the retired Major Chulkov in order to acquaint the readers with the real character of the landowner and to trace the transformation of a real person into a fictional character.

Nicolai Nekrasov, epic poem “Who is Happy in Russia?”, Ryazan Province, V.I. Chulkov, reality and fiction.